

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 811.161.1:82-32 Андреев

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-2-294-303>

Шифр научной специальности 5.9.5

Семантический потенциал рассказа Л. Андреева «Кусака»

Елена Олеговна Кузьминых , Светлана Анатольевна Скуридина ,

Надежда Борисовна Бугакова

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»

394006, Российская Федерация, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

 ya_witch@mail.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Исследование будет полезно не только лингвистам и литературоведам, но и учителям литературы, поскольку произведения Л. Андреева входят в школьную программу. Целью является выявление семантического потенциала рассказа Л. Андреева «Кусака». Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения для современной филологической науки художественных текстов Л. Андреева с точки зрения выявления способности единиц разного уровня, находящихся во взаимосвязи, выступать маркерами мифопоэтического кода. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Текст рассказа Л. Андреева «Кусака» представляет собой систему разноуровневых единиц, анализ которых способствует более глубокому проникновению в художественный замысел автора. Используются как общенаучные, так и специальные лингвистические методы: метод лингвистического наблюдения и описания, этимологический, словообразовательный, ономастический, контекстуальный, стилистический и лингвокультурный виды анализа. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Показано, что для художественного текста Л. Андреева характерна взаимосвязь единиц разного уровня, выявляющих мифопоэтическую основу рассказа, представленную оппозициями *свой–чужой, свет–тьма, звук–тишина*. Доминантами рассказа являются лексемы *дом, двор, сад, солнце, мрак*. Диминутивы, используемые автором при описании девушки и собаки, создают образ игрушки, которая интересна и желанна в настоящем, но может быть вследствие потери к ней интереса оставлена в будущем. Особую смысловую нагрузку имеют имена собственные (зоонимы *Жучка, Кусака, Кусачка* и антропонимы *Лёля, Илюша, Догаевы*) и их отсутствие. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Как и в большинстве произведений Л. Андреева, в рассказе «Кусака», демонстрирующем борьбу света с мраком, представлен путь обретения (Кусака) и потери души (Лёля и другие люди, которых почему-то называют добрыми). Всё это происходит на фоне природной цикличности – зима–весна–лето–осень... коррелируют с природными процессами рождения–развития–старости–смерти. Наступившая после отъезда людей, бросивших Кусаку, превратившуюся снова просто в безымянную собаку, беспросветно-тёмная ночь становится символом потерянной надежды, потерянного счастья.

Ключевые слова: Л. Андреев, «Кусака», бинарные оппозиции, свет–тьма, свой–чужой, звук–тишина, цикличность, зооним, антропоним

Благодарности и финансирование. О финансировании исследования не сообщалось.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кузьминых Е.О., Скуридина С.А., Бугакова Н.Б. Семантический потенциал рассказа Л. Андреева «Кусака» // Неофилология. 2024. Т. 10. № 2. С. 294-303. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-2-294-303>

Semantic potential of L. Andreev's story "Kusaka"

Elena O. Kuzminykh , Svetlana A. Skuridina , Nadezhda B. Bugakova

Voronezh State Technical University
84 20 let of Ocyabrya St., Voronezh, 394006, Russian Federation
 ya_witch@mail.ru

Abstract

INTRODUCTION. The research will be useful not only to linguists and literary scholars, but also to literature teachers, since the works of L. Andreev are included in the school curriculum. The purpose of the work is to identify the semantic potential of L. Andreev's story "Kusaka". The relevance of the study is due to the need to study L. Andreev's literary texts for modern philological science from the point of view of identifying the ability of units of different levels that are interconnected to act as markers of the mythical-poetic code. **MATERIALS AND METHODS.** The material of this work is the text of L. Andreev's story "Kusaka", which is a system of multi-level units, the analysis of which contributes to a deeper penetration into the author's artistic intention. The work uses both general scientific and special linguistic methods: the method of linguistic observation and description, etymological, word-formation, onomastic, contextual, stylistic and linguocultural types of analysis. **RESULTS AND DISCUSSION.** It is shown that the literary text of L. Andreev is characterized by the interrelation of units of different levels, revealing the mythopoetic basis of the story, represented by the oppositions *friend-foe*, *light-darkness*, *sound-silence*. The dominant elements of the story are the lexemes *house*, *yard*, *garden*, *sun*, *darkness*. The diminutives used by the author when describing the girl and the dog create the image of a toy that is interesting and desirable in the present, but may be abandoned in the future due to loss of interest in it. Proper names (zoonyms *Zhuchka*, *Kusaka*, *Kusachka* and anthroponyms *Lelya*, *Ilyusha*, *Dogaevs*) and their absence have a special meaning. **CONCLUSION.** As in most of L. Andreev's works, the story "Kusaka", demonstrating the struggle of light with darkness, presents the path of gaining (Kusaka) and losing the soul (Lyolya and other people who for some reason are called kind). All this happens against the background of natural cyclicity – winter–spring–summer–autumn–... correlate with the natural processes of birth-development-old age-death. Coming after the departure of the people who abandoned Kusaka, who again turned into just a nameless dog, the hopeless dark night becomes a symbol of lost hope, lost happiness.

Keywords: L. Andreev, "Kusaka", binary oppositions, light-darkness, friend-foe, sound-silence, cyclicity, zoonym, anthroponym

Acknowledgements and Funding. No funding was reported for this research.

Conflict of Interest. The authors declare no conflict of interests.

For citation: Kuzminykh, E.O., Skuridina, S.A., & Bugakova, N.B. Semantic potential of L. Andreev's story "Kusaka". *Neofilologiya = Neophilology*, 2024;10(2):294-303 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-2-294-303>

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время творчество Л. Андреева активно исследуется в работах литературоведов и лингвистов: анализируются особенности языкового поведения героев [1], рассматривается влияние Ф.М. Достоевского на проблематику произведений [2], поднимаются вопросы бытия человека в художественном мире писателя [3], выявляются ми-

фопоэтические оппозиции и христианские мотивы его рождественских рассказов [4], исследуются наиболее важные мотивы и образы в соответствии с литературным контекстом эпохи [5–11], усваиваются философские уроки писателя [12].

Несмотря на то, что андреевский рассказ «Кусака» входит в школьную программу, можно с уверенностью говорить о его недостаточной изученности и неразгаданности,

поскольку идея рассказа сводится к манифестации тезиса о необходимости любви к животным, что, безусловно, связано с незрелостью читательского мировоззрения, характерного для учеников седьмого класса [13]. Проблема состоит в том, что рассказы Л. Андреева, изучаемые в школе, трудно назвать детскими, хотя их героями часто являются дети и подростки. В их числе и рассказ «Кусака», написанный и опубликованный в 1901 г. В качестве героя рассказа писатель выбрал собаку, отметив в письме К.И. Чуковскому, написанном в 1902 г., что любой герой его произведений способен ощущать «все тяготы жизни» и всё живое имеет душу: «Мне не важно, кто «он» – герой моих рассказов: поп, чиновник, добряк или скотина. Мне важно только одно – что он человек и как таковой несёт одни и те же тяготы жизни. Более того: в рассказе «Кусака» героем является собака, ибо всё живое имеет одну и ту же душу, всё живое страдает одними страданиями и в великом безличии и равенстве сливается воедино перед грозными силами жизни»¹. Оттолкнувшись от этого замечания автора рассказа, можно предположить, что рассказ «Кусака» – это история обретения и потери души.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Художественный текст обладает многоуровневостью и отражает действительность в художественных образах, в связи с чем при его анализе могут быть использованы разные общенаучные и специальные лингвистические методы: метод лингвистического наблюдения и описания – при выделении семантических доминант и их последовательном описании и классификации с точки зрения функционирования в художественном тексте Л. Андреева; этимологический и словообразовательный анализ – при выявлении этимологии, особенностей словообразования и определении зачастую скрытой семантики ключевых лексем; ономастический анализ – при выявлении роли имён собственных в ху-

дожественном тексте; контекстуальный анализ – при определении зависимости семантики языковых единиц от контекста художественного произведения, стилистический анализ – при выявлении стилистической окраски отдельных лексем, влияющих на понимание текста, лингвокультурный анализ – при изучении культурной семантики языковых единиц, являющихся маркерами лингвокультуры.

Материалом настоящей работы является текст рассказа Л. Андреева «Кусака», представляющий собой систему разноуровневых единиц, анализ которых способствует более глубокому проникновению в художественный замысел автора.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Знакомство с главной героиней рассказа, которая обезличена и лишена субъектности, происходит уже в первом предложении: мы не понимаем, кто перед нами, поскольку вместо имени автор использует личное местоимение «она». Способствует этому и введение отрицательных местоимений и глаголов с частицей «не», трижды повторяющихся в первом предложении рассказа. Возникает ощущение, что «она» – часть небытия, так как не имеет связей с другими живыми существами («никому не принадлежала»)², у неё нет собственного имени и локализации в пространстве «никто не мог бы сказать, где находилась она долгую морозную зиму» (с. 302). Появляющиеся указания на календарное время (зима) и временную протяжённость (долго-долго) только усиливают ощущение существования-смерти, поскольку в жизни животного естественна природная цикличность: зима–весна–лето–осень... символически соотносимые с природными процессами рождения–развития–старости–смерти, оказываются нарушены. Весна для неё долгое время не наступает, о чем свидетельствует отсутствие упоминаний иных времён года, кроме зимы, и указание на многократную повторяемость зимнего времени: «на

¹ Чуковский К. Из воспоминаний. М.: Сов. писатель, 1959. С. 270.

² Андреев Л. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1990. Т. 1. С. 302. В дальнейшем все цитаты приводятся по данному изданию с указанием страниц в тексте.

одну зиму она поселилась под террасой пустой дачи» (с. 303).

Природная цикличность коррелирует с одним из ключевых мотивов произведения – мотивом круга и кружения: кружится Лёля в саду, вертится вокруг себя собака. Ощущение общности людей и животного описано тоже через символику круга, куда девушка вводит Кусаку: «...гимназисточка Лёля, забывшая обиду, окончательно ввела её в счастливый круг отдыхающих и веселящихся людей» (с. 305). Мотив круга проявляется и на уровне пространственно-временной структуры произведения, где движение сюжета подчинено неизменному движению природного жизненного цикла и т. д. Когда у собаки появляется постоянное имя, она становится «своей» собакой (с. 305), то есть частью людского сообщества. Автор отмечает, что, когда у неё появилось имя, она «всею своею собачьей душой расцвела» (с. 306). Данный глагол указывает на то, что собака становится частью естественного циклического времени. С другой стороны, собака является частью внешнего холодного тёмного зимнего мира, оппозицией к которому выступает пространство внутреннее – «тёплый дом» и двор рядом с ним. Другие собаки, появляющиеся в рассказе, как и она, живут на улице и испытывают голод, однако, будучи дворовыми, принадлежат домашнему пространству, поэтому отгоняют её от «тёплых изб» (с. 302).

Единственным местом, где животное может найти защиту от страшного и чужого мира, оказывается большой сад, расположение которого не имеет чёткой пространственной локализации – он находится «на краю посёлка», и это только «ей известное место» (с. 302). Стоит отметить, что семантика сада весьма неоднозначна. Символическая природа сада позволяет говорить о том, что «он включён в циклический ход природного времени», которое «выступает в саду как биологическое, линейное, определяя границы жизни растительности» [14]. Кроме того, сад является и частью вечности и сакрального времени, поскольку является подобием Эдема. Для собаки сад – это место спасения, аналог земного рая (в границах этого сада появля-

ся её место на даче, здесь же она общается с Лёлей и её семьёй, сюда убегает, когда они начинают съезжать с дачи). Символично, что одетая, как в первый день, Лёля (в платье, от которого собака оторвала кусок) уводит собаку из сада впервые, так как всё лето и осень Кусака находится в пределах сада и дачи, что может трактоваться как отсылка к сюжету изгнания из рая.

После отъезда Лёли собака возвращается на дачу, но сад уже не упоминается. Рай утрачен. Вместо него опять пустота, тьма, беспросветно-тёмная осенняя длинная ночь, – опять погружение в бесконечность тёмного времени, по сути, в бездну. Кусаки больше нет, так как вместе с Лёлей исчезает и данное ей имя. Собака погружается в небытие, то есть наступает символическая смерть, знаком которой является вой.

Изначально собака не принадлежит к пространству дома и не имеет имени, которое, согласно представлениям древних, является воплощением души. Рассуждая о соотношении имени и души, П.А. Флоренский утверждал, что вокруг имени «оплотняется наша внутренняя жизнь»: «по имени житие, а не имя по житию»³, а по мнению С.Н. Булгакова, «именование есть акт рождения»⁴, в связи с чем показательно, что попытка обретения собакой себя в окружающем пространстве происходит после того, как она получает от пропойцы-мужика временное имя *Жучка*, которое не становится знаком её индивидуализации. Это имя, «общее всем собакам» (с. 303) (вспомним пушкинское «Вот бегают дворовый мальчик, В салазки жучку посадив...»; в большинстве своём данная кличка давалась собакам чёрного, жукового, цвета), тем не менее выводит её из небытия, уравнивая в значимости с дворовыми собаками. Имя становится частью собаки, о чём свидетельствует фраза: «*Жучке очень хотелось подойти; она виляла хвостом, но не решалась*» (с. 303). Попытка сблизиться с человеком не состоялась. Беззащитная собака, получив удар «тяжёлого сапога» (с. 303), перестаёт

³ Флоренский П.А. Имена // Социологические исследования. 1990. № 4. С. 132-141.

⁴ Булгаков С.Н. Философия имени. СПб., 1998. 446 с.

доверять людям и начинает копить страх и злобу. О том, что животное не обретает связь с социумом, свидетельствуют не только прямые указания писателя, но и то, что она теряет данное ей имя, вновь превращаясь просто в «собаку»: «С тех пор собака не доверяла людям» (с. 303).

Не став частью людского общества, она, тем не менее, начинает воспринимать себя как дворовую собаку, поскольку находит «свое место» (с. 303) под террасой дачи. Она ещё не до конца обретает бытие, о чём свидетельствуют пространственно-временные координаты её местообитания: «зимняя ночь тянулась долго-долго», «пустые окна», «неподвижный сад» (с. 303) – однако появляющийся в её пространстве свет («иногда... будто вспыхивал голубоватый огонёк; то отражалась на стекле упавшая звезда, или остророгий месяц посылал свой робкий луч» (с. 303)) даёт надежду на изменение её жизни, которые и происходят с наступлением весны.

Необходимо отметить характер жилья, которое собака выбрала в качестве дома. Она поселилась на даче, которую нельзя считать домом в полной мере из-за временного характера присутствия в её пространстве обитателей. Как правило, на дачу приезжают в весеннее-летнее время, период возрождения природы, а осенью, когда обнаруживаются приметы угасания, её покидают. Таким образом, мы можем говорить о даче, как о «пространстве-иллюзии», поэтому не случайно оно характеризуется как «пустая дача», «тихая дача», «неподвижный сад» (с. 303), что является знаками отсутствия жизни. Люди, оказавшиеся в данном пространстве, несут с собой звук и наполняют его смехом, одушевляют пространство: «дача огласилась громким говором, скрипом колёс и грязным топотом людей, переносящих тяжести» (с. 303) (тяжесть, как и громкие звуки – это признаки людей, поэтому, когда собака ощущает себя их принадлежностью, писатель отмечает, что она громко лает, визжит, отяжелела). В конце, когда они уезжают, вновь возникают пустота, тишина, и слышится только монотонный вой собаки.

Интересно, что в первой части рассказа ни разу не упоминается солнце, а описываемые

события происходят либо вечером, либо ночью, и только в последнем предложении первой части возникает «голубоватый огонёк: то отражалась на стекле упавшая звезда, или остророгий месяц посылал свой робкий луч» (с. 303), но это не свет, а лишь его отражение на тёмном стекле.

Вторая часть рассказа начинается с абзаца, в котором упоминаются тепло и свет, а далее говорится о ясном небе и горячем солнце. Глаза собаки, несмотря на то, что её прогнали, начинают излучать свет: «вытягивала голову с двумя неподвижными огоньками фосфорически светящихся глаз» (с. 304), а даль из непроглядной превращается в «светлеющую» (с. 303). Появляется «ватага взрослых, подростков и детей, опьянённых воздухом, теплом и светом» (с. 303), возникает образ «горячего солнца», которое Л. Андреевым рассматривается как символ жизни, поскольку даёт тепло и свет, и символ добра: «Теплом входило в них солнце и выходило смехом и расположением ко всему живущему» (с. 303). Одновременно с образом горячего солнца возникает образ добрых людей, которые не бьют, а ласкают собаку, однако добрые люди уже упоминались в первой части рассказа в эпизоде с мужиком-пропойцей, у которого есть определённые надежды на добрых людей, но именно они наносили ему обиды, в связи с чем предсказуемо неоднозначное восприятие образа Лёли и её семьи, представляемых писателем добрыми людьми, но способных прогнать «напугавшую их собаку и даже застрелить её из револьвера, если не уберётся» (с. 303). С приездом людей собака начинает появляться в светлое время суток, её ласкают «светлые» дети, однако в начале третьей части упоминается огонь ласк, который не смог «выпарить» из её сердца страх. В первом предложении четвёртой части рассказа «жёлтыми огнями загорелась осень» (с. 307), но этот огонь не даёт тепла. Опустевшие дачи сравниваются с затушенными свечами, вместо солнца, несущего свет и тепло – «непрерывный дождь» (с. 307). После принятого решения оставить Кусаку на даче «все пространство между почерневшей землей и небом было полно клубящимися, быстро идущими

щами облаками. Снизу было видно, как тяжелы они и непроницаемы для света от насытившей их воды и как скучно солнцу за этою плотною стеной» (с. 308), и только перед прощанием Лёли и Кусаки, которое должно было бы состояться, «прорвался солнечный луч, жёлтый и анемичный, как будто солнце было неизлечимо больным» (с. 308), однако Лёля забыла проститься с Кусакой. После отъезда Лёли для Кусаки наступает «мрак осенней длинной ночи» (с. 308), хотя, как отмечает автор, «свет долго ещё боролся с тьмою» (с. 309), и вой собаки становится олицетворением наступившей осенней ночи: «казалось, что это стонет и рвётся к свету сама беспросветно-тёмная ночь, и хотелось в тепло, к яркому огню, к любящему женскому сердцу» (с. 309).

Как видим, у Л. Андреева тьма – это символ зла. Она часть природного цикла. Но это не совсем языческий символ. Солнце и свет противостоят тьме как символу бездны. При этом бездна не столько некое метафизическое пространство, а, скорее, часть человеческой природы.

В творчестве Л. Андреева оппозиции свет–тьма и звук–тишина взаимосвязаны [2]. Первая часть рассказа, в которой нет света, наполнена страшными звуками, сопровождающими действия людей: «ребята бросали в неё камнями и палками, взрослые весело улюлюкали и страшно, пронзительно свистали» (с. 302), собака же ищет тишины и находит её на пустой даче, где она, являясь полноправной хозяйкой, её нарушает, лая до хрипоты. С началом весны звуки, исходящие от людей, делят их на своих и чужих. Громкий говор и смеющийся высокий голос принадлежит новым обитателям дачи, в том числе и шумным звонкоголосым детям, чьё настроение может быть выражено восклицанием девушки «Вот весело-то!» (с. 304), тогда как по-прежнему слышится скрип колёс и доносится «грязный топот людей» (с. 303), не населяющих пространства, охраняемого собакой, поэтому от незнакомых людей она убегает в сад. Момент, когда собака перестаёт отождествлять себя с природным, животным миром и начинает чувствовать себя частью людского пространства, свою принад-

лежность, маркируется изменением звуков, издаваемых людьми и существующих в окружающей её природе: «Пахло людьми, и в открытые окна просились тихие звуки короткого дыхания», «Люди спали, были беспомощны и не страшны, и собака ревниво сторожила их», «А тревожных звуков было много в чуткой вечерней ночи: в траве шуршало что-то невидимое, маленькое и подбиралось к самому лоснящемуся носу собаки; хрустела прошлогодняя ветка под заснувшей птицей, и на близком шоссе грохотала телега и скрипели нагруженные возы» (с. 304). Она по-прежнему лает по ночам, но днём позволяет себе «слегка завизжать», когда её щекочут дети. Однако любовь Лёли и детей – «своих» людей – не вносят в жизнь Кусаки безмятежной радости: «никто не видел в её глазах странной мольбы» (с. 306), поэтому предсказуемо введение автором в текст для описания собаки лексем с отрицательной частицей *не-*: «нелепо кувыркалась, неуклюже прыгала, неповоротливое тело, неуклюжие и нелепые проявления любви, незаметно исчезала» (с. 306-307). С наступлением осени дачи начинают умолкать, веселье и смех сменяются печалью, Лёля, чьи движения летом были жизнерадостны, становится неподвижной: «она сидела, охватив руками колени, и печально глядела в окно» (с. 307), и замечание её матери «Что у тебя за поза, Лёля! Ну кто так сидит?» (с. 307) может быть истолковано не только как намёк на соблюдение приличий, но и как указание на несвойственное ей поведение. Опять возникает оппозиция «свой–чужой», реализуемая в звуках, – в осеннем мире начинают преобладать незнакомые люди, и заскрипели возы, и застонали под тяжёлыми шагами половицы, но меньше было говора и совсем не слышно было смеха» (с. 307). Тёмные брови Лёли похожи на крылья ласточки, а поскольку ласточки – перелётные птицы, это сравнение ещё раз напоминает о наступившей осени и приближающейся зиме, а следовательно, о грядущем завершении природного цикла. Л. Андреев вводит эпизод с дурачком Илюшей, которого дразнят, – место (трактир) не только отсылает к началу рассказа, когда мужик-пропойца,

хотевший приласкать собаку, пнул её ногой, но и, запараллеливая образы собаки и Илюши, предсказывает финал. Кроме того, Илюша связан с Кусакой тем, что к их оценке подходят с утилитарных позиций: когда Илюша просит копеечку, ему задают вопрос «А дрова колоть хочешь?» (с. 308). О Кусаке же отмечается, что она ничего не умела делать из того, что нравится людям, в отличие от щеночка, о котором говорят, что он «очень породистый и уже служит» (с. 307). К тому же сказанная невзначай по отношению к собаке фраза «Бог с ней!» тоже отсылает к образу Илюши-дурачка, юродивого, поскольку «народ считает юродивых Божьими людьми»⁵. Илюша-дурачок и собака – твари Божьи, отношением к ним проверяется в рассказе, насколько ты добрый человек, и люди не проходят испытание, поэтому в пятой части рассказа мрак осенней ночи заполняет опустевшую дачу, монотонный вой собаки прорезает тьму – звук борется с мраком, но настойчивый и безнадежно спокойный вой становится одним целым с мраком – свет и звук сливаются, превращаясь в бездну: «и тому, кто слышал этот вой, казалось, что это стонет и рвётся к свету сама беспросветно-тёмная ночь» (с. 309).

В языковой картине мира Л. Андреева важным элементом является имя. Девушка, изменившая жизнь собаки, давшая ей имя, на онимном уровне связана с солнцем, так как носит имя *Лёля*, которое может быть краткой формой женских имён *Елена* (др.-греч. *Ἠλένη* ‘солнечный свет’) или *Ольга* (от др.-сканд. *Helga* ‘святая’, ‘светлая’)⁶. Кроме того, имя созвучно имени *Лель* – так звали героя пьесы А.Н. Островского «Снегурочка», интерес к которой возрос в 1898 г. Лель – сын солнечный, «но речь его – обман, личина, правды и чувства нет под ними, то лишь в звуки одетые палящие лучи»⁷. Как видим, Л. Андреев выбирает символическое имя для девушки. Лёля единственная из всех героев рассказа име-

ет непосредственную связь с солнцем: «она посмотрела на ясное небо, на красноватые сучья вишен и быстро легла на траву, лицом к горячему солнцу» (с. 304), «солнце поступило умно, расцеловав горячо, до красноты щёк, всё её молоденькое, наивно-прелестное личико» (с. 305). Она появляется в жизни собаки весной, когда много тепла и света, а исчезает осенью. Вместе с ней постепенно уходит и солнце.

Ещё один вариант этимологии имени *Лёля* вводит в повествование мотив игры и смеха (лёля ‘детская игрушка’⁸). Именно с ней собака впервые начинает играть, а для самой Лёли она оказывается игрушкой, поскольку она, «наигравшись» с дворняжкой, готова заменить её на домашнюю собаку. Люди, приехавшие на дачу, «опьянены воздухом, теплом и светом». Использованное в тексте причастие «опьянённые» является смысловым повтором, отсылает к эпизоду встречи мужика-пьяницы с собакой, становится знаком обманчивости ситуации, предсказуемости финала.

Безымянная собака сначала получает имя *Жучка*, не выполняющее идентифицирующей функции, поскольку используется для обозначения черношёрстных собак, какой и является героиня рассказа: «длинная шерсть, прежде висевшая рыжими, сухими космами и на брюхе вечно покрытая засохшей грязью, очистилась, почернела и стала лосниться, как атлас» (с. 306). Затем она становится Кусакой, и это имя свойственно именно ей, так как отражает возможность собаки укусить, однако глагол *кусать* этимологически связан с лексемой *искушение* (собака испытывает искушение любовью, способной сделать её частью человеческого мира), а также с лексемой *кусоч*, возникающей в тексте рассказа при упоминании добрых людей в эпизоде с мужиком-пропойцей, который пнул собаку, а потом «долго и больно бил жену и на кусочки изорвал новый платок, который на прошлой неделе купил ей в подарок» (с. 303). Интересно, что мать Лёли обещает ей взять щеночка у семейства по фами-

⁵ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Терра, 1995. Т. 4. С. 669.

⁶ *Суперанская А.В.* Словарь русских личных имен. М., 1998. С. 413.

⁷ *Островский А.Н.* Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 7. М.: Гослитиздат, 1950.

⁸ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. СПб.: Терра – Азбука, 1996. Т. 2. С. 479.

лии Догаевы (от англ. *dog* 'собака'), причём в её обращении к дочери используется противопоставление породистого пса дворняжке. Диминутивная лексема *щеночек* настораживает: Лёля и собаку на даче зовёт не Кусакой, а использует уменьшительно-ласкательную форму *Кусачка*, но это не мешает ей потом отказаться от собаки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как и в большинстве произведений Л. Андреева, в рассказе «Кусака», демонстрирующем борьбу света с мраком, представлен возможный путь обретения (Кусака) и потери души (Лёля и другие люди, которых почему-то называют добрыми). Всё это происходит на фоне природной цикличности – бесконечно повторяющаяся последовательность зима–весна–лето–осень–зима... коррелирует с природными процессами рождения–развития–старости–смерти и поддерживается лексемами *круг*, *кружиться*. Наступившая после отъезда людей, бросивших Кусаку, превратившуюся снова просто в безмянную собаку, беспросветно-тёмная ночь

становится символом потерянной надежды, потерянного счастья. Все это навязчиво транслируется Л. Андреевым, использующим весь арсенал художественных средств: семантически маркированные онимы (Жучка-Кусака-Кусачка, Лёля, Догаевы, Илюша), лексемы, определяющие пространственно-временную организацию рассказа (сад, двор, дом), диминутивы, возникающие в авторской речи и речи Лёли во второй части произведения – с наступлением весны, и исчезающие в последней части – с наступлением осени, когда становится понятно, что всё вернулось на круги своя. Андреевский текст, предельно насыщенный символами и выстроенный на основе мифопоэтических оппозиций *свет–тьма*, *свой–чужой*, *добро–зло*, *звук–тишина*, пессимистичен: мрак осенней ночи, заполняющий опустевшую дачу, сливается с воем брошенной собаки. Кусака с потерей Лёли утрачивает имя (а вместе с ней и душу), покидает сад, напоминающий Эдемский, и погружается в небытие, маркирующее хронотоп бездны, который является ключевым для творчества писателя.

Список источников

1. Ячина Н.П., Давлатова М.М. Язык писателя и стилистика художественной речи как средства воспитания (на материале текстов художественных произведений Леонида Андреева) // Казанская наука. 2023. № 10. С. 206-208. <https://elibrary.ru/cnuaei>
2. Борисова В.В., Котовская Д.О. Библиейские образы и мотивы в произведениях Ф.М. Достоевского и Л.Н. Андреева // Культура и текст. 2023. № 3 (54). С. 33-40. <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2023-3-33-40>, <https://elibrary.ru/djhisb>
3. Гусева Т.К. Гармония и хаос: концепция экзистенциального человека Леонида Андреева // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2012. № 2. С. 14-26. <https://elibrary.ru/pavbqv>
4. Скуридина С.А., Кузьминых Е.О., Новикова М.В. Бинарные оппозиции в рождественском рассказе Л. Андреева «Ангелочек» // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 3. С. 124-144. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2023.12722>, <https://elibrary.ru/pqexzu>
5. Михеичева Е.А. Мотив воскрешения в творчестве Леонида Андреева // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15. № 1. С. 68-79. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2017.4201>, <https://elibrary.ru/xygssp>
6. Ширванова Э.Н., Гаджиева Р.М. Индивидуалистические мотивы в творчестве Леонида Андреева (мотивы пессимизма, одиночества и бунта) // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2019. Т. 34. № 4. С. 19-24. <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2019-34-4-19-24>, <https://elibrary.ru/odxzmt>
7. Ширванова Э.Н., Гаджиева Р.М. Образ Иуды Искариота в контексте канонического и апокрифического Евангелия в одноимённой повести Леонида Андреева // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 33. № 4. С. 50-58. <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2018-33-4-50-58>, <https://elibrary.ru/lqysog>

8. Самойловский А.Л. Образ Иуды Искарота по каноническим и апокрифическим источникам // Наука. Общество. Оборона. 2020. Т. 8. № 3. Ст. 33. <https://doi.org/10.24411/2311-1763-2020-10249>, <https://elibrary.ru/wbumpw>
9. Подгорская А.В. Художественная «реконструкция» библейского образа Иуды в литературе XX века (Л. Андреев «Иуда Искарот» и М. Булгаков «Мастер и Маргарита») // Гуманитарно-педагогические исследования. 2021. Т. 5. № 2. С. 46-49. <https://doi.org/10.18503/2658-3186-2021-5-2-45-48>, <https://elibrary.ru/brwxut>
10. Хайрулина О.И., Монисова И.В. Драматургия Леонида Андреева в контексте европейского литературного процесса: анализ отечественных исследований // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11. № 1. С. 140-147. <https://doi.org/10.17072/2037-6681-2019-1-140-147>, <https://elibrary.ru/gvqpcm>
11. Титаренко С.Д. Творчество Леонида Андреева в зеркале символистской антропологии и философии искусства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. № 1. С. 136-146. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.111>, <https://elibrary.ru/xrzfrz>
12. Ильин В.В. К юбилею писателя: философские уроки Леонида Андреева // Российский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 2. С. 69-84. <https://doi.org/10.15643/libartrus-2021.2.1>, <https://elibrary.ru/kytyhl>
13. Исенова А.К. Рассказы Л.Н. Андреева «Бергамот и Гараська» и «Кусака» в школьном изучении // Молодой учёный. 2014. № 9 (68). С. 534-536. <https://elibrary.ru/sfnxcx>
14. Свирида И.И. Время сада // Знаки времени в славянской культуре: от барокко до авангарда: сб. ст. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2009. С. 181-194. <https://elibrary.ru/odppbb>

References

1. Yachina N.P., Davlatova M.M. The language of the writer and the stylistics of literary speech as a means of education (based on the texts of works of art by Leonid Andreev). *Kazanskaya nauka = Kazan Science*, 2023, no. 10, pp. 206-208. (In Russ.) <https://elibrary.ru/cnuaei>
2. Borisova V.V., Kotovskaya D.O. Biblical images and motifs in the works of F.M. Dostoevsky and L.N. Andreev. *Kul'tura i tekst = Culture and Text*, 2023, no. 3 (54), pp. 33-40. (In Russ.) <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2023-3-33-40>, <https://elibrary.ru/djhisb>
3. Guseva T.K. *Garmoniya i khaos: kontseptsiya ekzistsentsial'nogo cheloveka Leonida Andreeva* [Harmony and chaos: the concept of existential man by Leonid Andreev]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Filologicheskie nauki* [Bulletin of the Sholokhov Moscow State Humanitarian University. Philological Sciences], 2012, no. 2, pp. 14-26. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pavbqv>
4. Skuridina S.A., Kuz'minykh E.O., Novikova M.V. Binary oppositions in Leonid Andreev's Christmas story "Angelochek". *Problemy istoricheskoy poetiki = The Problems of Historical Poetics*, 2023, vol. 21, no. 3, pp. 124-144. (In Russ.) <https://doi.org/10.15393/j9.art.2023.12722>, <https://elibrary.ru/pqexzu>
5. Mikheicheva E.A. Resurrection motif in the works of Leonid Andreev. *Problemy istoricheskoy poetiki = The Problems of Historical Poetics*, 2017, vol. 15, no. 1, pp. 68-79. (In Russ.) <https://doi.org/10.15393/j9.art.2017.4201>, <https://elibrary.ru/xygssp>
6. Shirvanova E.N., Gadzhieva R.M. Individualistic motifs in Leonid Andreev's literary works (motifs of pessimism, loneliness and rebellion). *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki = Herald of Dagestan State University. Series 2. The Humanities*, 2019, vol. 34, no. 4, pp. 19-24. (In Russ.) <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2019-34-4-19-24>, <https://elibrary.ru/odxzmz>
7. Shirvanova E.N., Gadzhieva R.M. The image of Judas Iscariot in the context of the canonical and apocryphal gospel in the novel of the same name by Leonid Andreev. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki = Herald of Dagestan State University. Series 2. The Humanities*, 2018, vol. 33, no. 4, pp. 50-58. (In Russ.) <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2018-33-4-50-58>, <https://elibrary.ru/lqysog>
8. Samoilovskii A.L. The image of Judas Iscariot in canonical and apocryphal literary sources. *Nauka. Obshchestvo. Obrona = Science. Society. Defense*, 2020, vol. 8, no. 3, art. 33. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2311-1763-2020-10249>, <https://elibrary.ru/wbumpw>
9. Podgorskaya A.V. Artistic "reconstruction" of biblical images of Judas in the 20th century literature (L. Andreev's "Judas Iscariot" and M. Bulgakov's "Master and Margarita"). *Gumanitarno-pedagogicheskoe*

- issledovaniya = Humanitarian and Pedagogical Research*, 2021, vol. 5, no. 2, pp. 46-49. (In Russ.) <https://doi.org/10.18503/2658-3186-2021-5-2-45-48>, <https://elibrary.ru/brwxut>
10. Khairulina O.I., Monisova I.V. Dramaturgy of Leonid Andreev in the context of the European literary process: analysis of domestic research. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya = Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2019, vol. 11, no. 1, pp. 140-147. (In Russ.) <https://doi.org/10.17072/2037-6681-2019-1-140-147>, <https://elibrary.ru/gvqpcm>
  11. Titarenko S.D. Leonid Andreev's creative works in the mirror of symbolic anthropology and philosophy of art. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura = Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2018, vol. 15, no. 1, pp. 136-146. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.111>, <https://elibrary.ru/xrzfrz>
  12. Il'in V.V. On the anniversary of the writer: philosophical lessons of Leonid Andreev. *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal = Liberal Arts in Russia*, 2021, vol. 10, no. 2, pp. 69-84. (In Russ.) <https://doi.org/10.15643/libartus-2021.2.1>, <https://elibrary.ru/kytyyh>
  13. Isenova A.K. Stories of L.N. Andreev "Bargamot and Garas'ka" and "Kusaka" in school study. *Molodoi uchenyi [Young Scientist]*, 2014, no. 9 (68), pp. 534-536. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sfnxcx>
  14. Svirida I.I. Vremya sada [Garden time]. *Sbornik statei «Znaki vremeni v slavyanskoi kul'ture: ot barokko do avangarda»* [Proceedings "Signs of the times in Slavic culture: from Baroque to Avantgarde"]. Moscow, Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2009, pp. 181-194. (In Russ.) <https://elibrary.ru/odppbb>

Информация об авторах

КУЗЬМИНЫХ Елена Олеговна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-7571-7634>, elshka-82@yandex.ru

Вклад в статью: идея статьи, анализ фактического материала, написание части текста статьи.

СКУРИДИНА Светлана Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации, Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-2313-2482>, saskuridina@yandex.ru

Вклад в статью: идея статьи, разработка методологии исследования, написание части текста статьи, редактирование текста.

БУГАКОВА Надежда Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-2683-0665>, ya_witch@mail.ru

Вклад в статью: идея статьи, написание части текста статьи, редактирование текста.

Поступила в редакцию 28.02.2024
Поступила после рецензирования 29.03.2024
Принята к публикации 19.04.2024

Information about the authors

Elena O. Kuzminykh, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of Russian Language and Intercultural Communication Department, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-7571-7634>, elshka-82@yandex.ru

Contribution: study idea, factual material analysis, part of manuscript text drafting.

Svetlana A. Skuridina, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Head of Russian Language and Intercultural Communication Department, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-2313-2482>, saskuridina@yandex.ru

Contribution: study idea, research methodology, part of manuscript text drafting, text editing.

Nadezhda B. Bugakova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of Russian Language and Intercultural Communication Department, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-2683-0665>, ya_witch@mail.ru

Contribution: study idea, part of manuscript text drafting, text editing.

Received February 28, 2024
Revised March 29, 2024
Accepted April 19, 2024